

ПРИАЗОВСКАЯ

РѢЧЬ

ВЪ ЕЙСКѢ, КУБ. ОБЛ.

Политико-экономическая и литературно общественная газета.

Подписная цѣна

съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р.,
на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р.
на 1 мѣс. 75 к.

Цѣна объявленій.

Для городскихъ: впереди текста за строку петита—
15 коп., послѣ текста по 10 коп. за строку.

Для иногороднихъ: впереди текста за строку петита
—20 коп., послѣ текста по 15 к. за строку. Среди
текста (2 и 3 стр.)—25 к. строка для гор. и иногор.
Стороннее сообщеніе 50 коп. за строку.

Лица ищущія труда платятъ за каждое объявленіе
позади текста въ 6 строкъ по 20 коп. за разъ.
За разсылку прилож. по 4 р. съ тысячи.

Статьи и корреспонденціи, присланныя для помѣщенія въ газетѣ
должны быть за подписью и съ адресомъ автора, безъ чего они
печататься не будутъ. Въ случай надобности, редакция исправляетъ
и сокращаетъ статьи. Рукописи, признанныя редакціей неудобными
къ печатанію, не возвращаются.

Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными.

Редакция открыта для объясненій, кромѣ праздниковъ
отъ 1—3 час. дня. Контора открыта съ 9 час. утра
до 7 час. вечера.

Адресъ конторы и редакціи:

При тип. „ПЕЧАТНОЕ ИСКУССТВО“ Г. І. Тохова.
Ставропольская ул. д. Хохловой. Телефонъ № 55.

Выходить ежедневно (кромѣ дней послѣпраздничныхъ.)

Несчастье особого рода.

(Северная подьяка под А. П. Чехова).

В мой кабинет ввалился тучный, преугнетенный, истерзанный. Лицо его было, казалось, покрытым густым слоем грязного сала, лысая голова, в лучах солнца отражала все цвета радуги, ворот рубашки широко раскрытый обнажал мокрую волосатую грудь.

Он грузно опустился на стул, издавший многозначный вопль отчаяния, с раздрожением вытер лицо огромным фуляровым платком, крикнул, откатываясь и фальцетом, совѣм не отвечающим его многообъемной фигурѣ сказал:

— Ах! Зачѣм умеръ незабвенный Антонъ Павловичъ Чеховъ?

Самъ собой разумеется, я немедленно присоединился къ этому вопросу—протесту, послалъ десятокъ два неслетныхъ эпитетовъ по адресу коварной и нечистой смерти и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ, милостивый государь?

— Ничѣмъ... Живи безсмертный Антонъ Павловичъ, я накануне своей мученической смерти, дажь-бы ему написать съ себя портретъ. Онъ изобразилъ-бы мою несчастную жизнь во всехъ тонкостяхъ, со всеми переплетами.

— Скажите, вы очень несчастны? Вы будто собираетесь насильственно оборвать свою драгоценную жизнь? Вы рискуете переступить воротъ дозволенного Всевышнимъ?

— Рискую, дерзая, хочу, совершу, ибо иначе не могу. Житья мнѣ нѣтъ. На службѣ—адъ, на улицѣ—два ада, въ семьѣ—три ада... Нѣтъ, вы понимаете, какой я распронесенный человекъ?

— Откровенно говоря, не совѣмъ.

— Такъ и зналъ. Доведись мнѣ разговаривать съ Антономъ Павловичемъ, онъ посмотрѣлъ бы на меня и готово... Сразу написалъ бы рассказъ, подѣ названіемъ «Несчастье особого рода».

— Конечно. Я и не собираюсь тягаться съ великимъ человекомъ.

То то я оно. Пришелъ въ вамъ душу выплакать, нутро свое на столъ положить, а вы ни бѣды не понимаете. А еще писателемъ себя считаете. Какое вы, въ самомъ дѣлѣ, писатель, чортъ васъ весьма польщенъ вашимъ лестнымъ сужденіемъ сердца моего не разумеете?

— Милостивый государь, я весьма и весьма польщенъ вашимъ лестнымъ сужденіемъ обо мнѣ и въ послѣдній разъ спрашиваю:

— Что вамъ, собственно говоря, отъ меня угодно?

Мой странный посетитель съ яростью охотниковъ, убивавшихъ Ямбо, рванулъ себя за воротъ рубашки и съ бѣшенствомъ сталъ срывать съ своихъ тучныхъ плечъ пиджакъ.

— Не могу, не могу и не могу. Она меня убиваетъ, она меня изводитъ, она меня съ ума сводитъ...

— Кто васъ убиваетъ? Помилуй Богъ.

— Жара, милостивый мой государь, жара.

Девять пудовъ 14 фунтовъ вѣса, жаръ растапливается, дышать нѣтъ, задыхаюсь, задыхаюсь...

И въ противоположную стѣну полетѣла чесучовая жилетка, изъ кармана которой упали на полъ и вдребезги разбились металлические часы.

Я готовъ былъ прыснуть со смѣху, но удержался и только больше вытаращилъ глаза.

Съ разорваннымъ воротомъ рубашки, вылезшей изъ брюкъ, съ кровью налитыми глазами, съ лицомъ, напоминающимъ хорошо промасленный блинъ, съ лысой головой, въ которую можно было смотреть, какъ въ зеркало, размахивая поминно короткими руками, онъ почти кричалъ:

— Въ проклятой конторѣ съ утра до вечера сижу въ «хомутѣ» при галстукѣ. Подосадовому чорту-принципалу, весьма смахивающему на тощую селедку, видите-ли, прилягъ въ конторѣ уютно соблаговолѣ... Дамы, молъ, могутъ войти... Чортъ-бы побралъ всѣхъ этихъ дамъ и въ прошломъ поколѣніи, и въ нынѣшнемъ, и въ будущемъ. Меня жара убиваетъ, я растапливаюсь будто на медленномъ огнѣ, а мнѣ дамами въ ночь тычутъ. Прощай, проклятые, души анафемскія, имѣя поджогъ, черти безнравственны.

Я посетитель выразилъ своему приятелю собственнику чувства искреннего сожалѣнія. Откровенно говоря, я очень боялся, что-бы его кондрашка не захватилъ на моихъ же глазахъ.

— На улицу выйдешь, опять не разговаривай съ проклятымъ хомутомъ. Возвращайся въ контору, принимайся, а там не сиди его снитъ. Неприлично-съ... А это прилично-человѣкъ въ конторѣ сидитъ, прилично-мужественный характеръ проявляетъ? Я спрашиваю васъ, чортъ васъ весьма совѣтъ, прилично-ли это?

Я посетитель ответилъ, что все это не прилично.

— Ну-съ, а теперь давай приложимъ. То-ли думаете вы, дажь-то я разговариваю? Блаженныя времена Адама, когда и въ конторѣ было уютно...

Шалунъ, вынуть въ бѣздѣ...

Моя Аглая Спиридоновна, хомуте...

сидитъ, мнѣ женой доводится и съ ней...

она со мной во второмъ бракѣ. Въ первомъ бракѣ ее Господь Богъ награждалъ шестью дочерьми, при чемъ всѣ мои малыя палчерицы живутъ при насъ. Такого-съ.

Прихожу я, значить домой, сваренный какъ бѣднымъ вѣзетъ предъ моимъ лицомъ, потъ водопадомъ катится изъ всѣхъ вѣвъ моего тѣла, въ голову заны, будто на Ивановой колокольнѣ, въ глазахъ рабѣть и мутить.

Давай, думаю, скорѣй раздѣнусь до рубашки, авось полегчаетъ. Квартирка наша должень вамъ сказать небольшая, всѣ комнаты проходныя и всѣ онѣ заняты Аглаей Спиридоновной и моими палчерицами. Только начну я разоблачаться, Аглая Спиридоновна тутъ какъ тутъ:

— Мой другъ! Это неудобно. Котъ можетъ войти. Полетка оканчиваетъ прическу, Лизанька уже шляпку надѣла, Вѣрочка съ минуты на минуту придетъ. Вита занимается въ сосѣдней комнатѣ, а Маруся здѣсь читаетъ... Это неприлично, это чортъ знаетъ что такое. Я, какъ мать не могу позволить такъ игнорировать моихъ дочерей.

Что-жъ, милостивый государь мой, хорошее полковеніе! Цѣлый день варюсь въ конторѣ, а въ вечеру довариваюсь изъ своей квартирѣ. Нѣтъ, я съ ума схожу.

Я опять посетитель выразилъ свое глубочайшее соболѣзнованіе.

Онъ продолжалъ:

— По вашимъ глазамъ вижу, думаете, зато ночь въ моемъ распоряженіи. Нечуть-то было. Аглаюшка спитъ съ двумя дочерьми и сынишкой въ спальнѣ, другія располагаются въ другой комнатѣ, а въ мое распоряженіе предоставляется проходная.

Аглаюшка вотъ и говоритъ:

— Слушай мой дружокъ! Ты ночью хорошенько закутывайся въ одеяло. Лучше всего, если ты съ головой будешь укрываться. Не ровень часъ, Поленька, или Манечка вздумаетъ ночью во дворъ выйти подышать свѣжимъ воздухомъ, а ты въ неприличномъ неглиже лежишь. Надо охранять цѣломудріе нашихъ дочерей. Ты согласишься со мной дружокъ.

Я реву, какъ раненный слонъ.

— Во мнѣ 9 пуд. 14 фун., понимаешь ты это? Я не могу, меня тяготитъ платье, оно жжетъ меня раскаленнымъ—железомъ. Пусть палчерицы мои въ окна выскочатъ, но мнѣ дайте покой. Вамъ же хлѣбъ насущный долженъ добывать. Пошадите меня.

Аглая Спиридоновна немедленно задумала свои губки и деликатно такъ уронить:

— Хамъ...

А за что меня хамомъ-то называть. За то, что дышать хочу, за то, что отдохнуть желаю.

Еще, милостивый государь, должень вамъ по совѣсти сказать, что изъ моей постельки меня духота доминаетъ. Стащу это я свой тощій матрацъ и укладываюсь на полу въ столовой, гдѣ на ночь окна остаются открытыми. Все-же вѣтерочекъ, нѣтъ-нѣтъ и область.

А Аглаюшка то моя уже тутъ какъ тутъ.

— Утромъ, говоритъ,—прислуга изъ кухни выйдетъ, а то чего добраго, во снѣ одеяльце съ собой какъ нибудь сброситъ. Конфузъ получится. Прислуга—человѣкъ, ей самоелюбое надо особенно—охранять. Она пойметъ твои спадъ здѣсь, какъ пре небреженіе къ ней. Уйди лучше на свою постель...

— Но тамъ духота страшная, да и Поленька, или Лизанька могутъ пройти.

— А ты помни, хорошенько укутывайся въ одеяло. А еще лучше было-бы, если бы ты въ платъ спалъ. Все-же спокойнѣе.

Я отстраняю отъ себя всѣ тяжеле предметы, ибо неровень часъ, нахожусь въ такомъ воспалительномъ состояніи, возможно и какую нибудь глупость совершить: лампой-ли бросить, тарелкой-ли швырнуть.

— Аглая,—являю я въ своемъ гомонѣ.—камень у тебя нѣбось сердца. Нечуть-то тебе—меня жара убиваетъ. Если я здѣсь не могу укрываться—я на лѣтнюю кухню перебежусь въ контору.

Желтые овалы выкатываются изъ глазъ Аглая Спиридоновны.

— Въ контору выйдешь, опять не разговаривай съ проклятымъ хомутомъ. Возвращайся въ контору, принимайся, а там не сиди его снитъ. Неприлично-съ... А это прилично-человѣкъ въ конторѣ сидитъ, прилично-мужественный характеръ проявляетъ? Я спрашиваю васъ, чортъ васъ весьма совѣтъ, прилично-ли это?

— Ну-съ, милостивый государь мой, что-же вы то мнѣ, братъ, самоуверенно высказываете можете? Какъ видите, у меня несчастье особого рода, а спасенія отъ него не придумаю.

Я молча открылъ ящикъ своего письменнаго стола и молча подаль своему сосѣднику, зареженный досека являя брови.

Онъ также молча крѣпко выжалъ носъ.

А затѣмъ сказалъ:

— Ахъ! зачѣмъ умеръ незабвенный Антонъ Павловичъ Чеховъ. Онъ написалъ-бы съ меня точный портретъ.

Подобравъ пиджакъ и жилетку, мой странный посетитель медленнымъ шагомъ вышелъ изъ моего кабинета.

ЗМЕФЪ.